

Дьяволы бывают двух видов:
разжалованные ангелы
и сделавшие карьеру люди.

Станислав Ежи Лец

Часть 1

Вместо пролога

Алексей Долотов значительную часть своей жизни провел в дороге — автомобили, поезда, самолеты... Поклонники его творчества жили не только в России — он исколесил с концертами, как говорится, полмира. Но все это осталось в той, другой жизни. Теперь настало время совершить особое путешествие.

Каждый подследственный рано или поздно превращается, за редким исключением, в осужденного. Однажды утром надзиратель объявляет ему, чтобы тот собирался на выход из камеры с вещами. О том, что его отправляют на этап, заключенный узнает только внизу, на первом этаже, где конвой проверяет личные дела, скрупулезно сверяет фотографии с физиономиями живых людей (бывали случаи, когда вместо одного заключенного на этап уходил другой), инструктирует «пассажиров», «грузит» их в «воронки» и везет... на железнодорожный вокзал. Этап — дело нескорое, нетерпящее

суеты. Иной раз в соседний регион заключенного могут из СИЗО в колонию везти месяцами.

Колонии разбросаны по всей стране. В какую из них попадет осужденный и как долго продлится «путешествие» — одному богу известно. И все это время, пока осужденного везут из СИЗО в «зону», несмотря на многочисленные реформы, неуклюжие попытки властей очеловечения пенитенциарной системы, ни адвокат, ни друзья, ни родственники не имеют представления, где находится заключенный, куда его везут, да и вообще, жив он или нет.

О дальнейшей судьбе Алексея переживать было особо некому: кроме двух маленьких детей, родных у него не осталось. Бабушка, Тамара Константиновна, умерла. Наверное, оно и к лучшему, что этот печальный поворот событий не застал ее при жизни. Вряд ли пожилая женщина смогла бы перенести такой позор.

О бесчинствах, которые творит конвой по отношению к осужденным во время этапа, Алексей был наслышан — как издеваются над заключенными, избивают. Даже бывали случаи чудовищных убийств арестантов. Однажды, слушая рассказ бывалого сокамерника, уже второй раз осужденного за разбой, Долотов спросил:

— А за что хоть бьют-то?

— Хм, — усмехнулся его собеседник, — рожа твоя не понравится или вдруг покажется, что ты в сторону конвоя не так посмотрел, возьмут и отмудохают.

На кого-то этап наводил ужас, но только не на Алексея. Ему было все равно, что будет с ним. Жизнь для него перестала иметь значение, и, если она внезапно оборвется, он будет этому только рад. Когда-то он высоко взлетел и, не удержавшись, рухнул на самое дно, потеряв смысл дальнейшего существования.

Все тот же сокамерник Андрей посоветовал брать с собой на этап минимум вещей и за некоторое время до поезда ничего ни есть, ни пить.

— Почему? — недоуменно спросил Алексей.

— Ну ты даешь, музыкант, — развел руками сокамерник и добавил: — Чтобы в «столыпине» потом на парашу не ломился. Так что на всякий случай возьми с собой пластиковую бутылку, полиэтиленовые пакеты — ты же знаешь, по закону подлости, в самый неподходящий момент иногда так даванет на клапан, что хоть волком вой, а конвою лень выводить зеков на оправку. Из еды бери чай, сушину разную, печенье, сухари, пряники, конфеты. Курева прихвати побольше, сигареты в неволе — это, можно сказать, конвертируемая валюта.

Уже потом, в пути, Долотов не раз с благодарностью вспоминал Андрея и его советы.

Когда-то, в далеком двухтысячном году, Алексей уже имел трения с законом: привлекался за хранение и употребление наркотиков. Тогда ему было двадцать два года. Та история случилась уже после окончания МГУ, повезло — иначе поперли бы из универа.

Однажды Долотов договорился с приятелем встретиться в районе Киевского вокзала. Алексей приехал раньше времени. Пока ожидал товарища у входа в метро, к нему подошел милицейский патруль. В то время, после серии прокатившихся по стране терактов, проверка документов, а зачастую и досмотр вещей, на вокзалах, в аэропортах стали обычным делом. Для Алексея это было впервые, никогда прежде его не останавливали. Долотов не понял, чем его физиономия привлекла внимание милиционеров. С документами у него было все в порядке — коренной москвич. Парень вел себя развязно, разговаривал с пренебрежением, тем самым

вызвал ответное негодование молодых милиционеров, и заурядная проверка документов закончилась препровождением в участок и обыском, чего Леха никак не ожидал. Милиционеры вывернули все карманы, в недрах которых обнаружили несколько пакетиков с «дурью». Результат неосмотрительной дерзости оказался плачевным — Долотов и не заметил, как оказался на тюремной шконке*.

Он проклинал себя: «Надо было быть полным идиотом, чтобы с наркотой в кармане вести себя подобным образом». Если бы не его надменность и спесивость, возможно, и проблем никаких не возникло бы — предъявил документы, и будь здоров.

Алексей понемногу приторговывал «травкой», и в тот раз приехал на встречу именно с этой целью. Зелье предназначалось для приятеля по имени Самвэл, и лишь немного парень оставил для себя. Армянин был его старым и проверенным клиентом, который уже в течение нескольких лет покупал у него марихуану.

Нельзя сказать, что Алексей был матерым наркоторговцем, он понимал, что торговля наркотой — это противозаконно и очень опасно. Но он, как и многие его коллеги, придумал себе оправдание, мол, нужно же как-то выживать. Он не мог себе позволить продолжать сидеть на шее у бабушки. Как ни пытался Алексей убедить стражей порядка, что вся «травка» исключительно для его личного употребления, они не поверили и посчитали, что количества изъятого зелья достаточно для подозрения в распространении. Леха знал,

* Спальное место или койка на тюремном жаргоне. — Здесь и далее, если не указано иное, примечание литературного редактора.

что за «траву» можно получить срок, но он всегда надеялся, что эта участь его минует.

Выполнение милицейского плана по поимке преступников никто не отменял, и заработанная «палка» была, как никогда, кстати. Пока Алексей находился в СИЗО, в стране сменилось руководство и новый президент объявил амнистию для всех осужденных по легким статьям. Суда у Алексея еще не было, а потому его освободили прямо из следственного изолятора. В тот раз Долотову повезло — удалось избежать и срока, и судимости.

Первый раз Леха попробовал марихуану, когда поступил в университет. В то время практически все студенты, и девушки, и парни, баловались травкой. Это было так же естественно, как курить сигареты. Как-то раз Алексей после студенческой вечеринки остался ночевать у друзей в общежитии. Гуляли шумно, весело, алкоголь тек рекой, дым от марихуаны стоял коромыслом. Как ни старалась утихомирить разошедшихся студентов вахтерша, на ее увещевания никто не обращал внимания. Под утро терпение пожилой женщины закончилось, и она вызвала милицию. Алексей оказался на грани. Мало того, что он прошел в общежитие нелегально, по чужому пропуску, так еще с собой у него было приличное количество «травы».

Когда в коридоре общежития кто-то громко закричал: «Мусора!», Алексей предусмотрительно успел передать пакет с наркотой однокласснице. Мария его надежно спрятала в своей комнате. Если бы в ту ночь милиционеры нашли в комнате зелье, уголовное наказание последовало бы неминуемо. А так молодые люди отделались выговорами, да Алексей вдобавок еще и запретом целый год посещать общежитие. Через несколько дней, когда все улеглось, Долотов решил забрать

у Маши марихуану. Какого же было его удивление, когда девушка принесла ему почти пустой пакет, в котором оставалось «травки» на два-три косяка. Оказывается, за эти несколько дней ее почти всю выкурили девчонки.

Для многих его друзей курение марихуаны закончилось вместе с окончанием университета, оставшись в воспоминаниях как баловство. Для Алексея же это переросло в пагубную привычку, от которой он никак не мог избавиться. Долотов проклинал тот день, когда впервые попробовал наркотики. Они не только исковеркали его судьбу, они отобрали у него все самое ценное в жизни.

Алексею предстояло сидеть еще долгих пять лет. Мысленно он уже давно был в лагере. Ему хотелось сменить обстановку. В закрытом пространстве тюрьмы, в тесной и душной камере следственного изолятора, он провел больше года. Как ни настаивал адвокат подать кассационную жалобу, Алексей наотрез отказался. Он считал, что шесть лет срока — это слишком легкое наказание за то, что он совершил. Учитывая рекомендации сокамерника, он подготовился к этапу основательно, закупив в тюремном ларьке баранки, сухари, чай, сигареты... Даже сидя в изоляторе, Алексей не чувствовал себя брошенным. На свободе у него остались верные друзья Николай и Артем, а также действующий совместный бизнес.

Однажды кормушка с грохотом открылась, и раздался прокуренный голос надзирателя:

— На Дэ... есть?

— Долотов, — назвал свою фамилию Алексей.

— С вещами на выход! — произнес тюремщик.

Заклученный спешно собрал пожитки в баул, попрощался с сокамерниками. За год, проведенный в тюрьме под следствием, с некоторыми сидельцами он крепко

сдружился. Алексей пользовался уважением среди арестантов. Многие из них были поклонниками его творчества и с большим удовольствием слушали на свободе его треки.

Даже сидя в тюремной камере, Долотов продолжал писать стихи для песен. Не мог он иначе, это было похлеще любого наркотика. Сложно описать, сколько труда, сил и эмоций вкладывает автор в свои произведения. Творчество не раз спасало его в минуты полного отчаяния, только благодаря ему он находил силы жить дальше. Раньше он пел о первой неудачной любви, о тяжелом детстве, о своей матери, о любимой женщине, о наркотиках и о том, как они мешают ему жить. Теперь его куплеты были о тюрьме, лишениях, переживаниях, душевных муках. Через них он исповедовался перед своим слушателем, ему хотелось донести до людей всю трагичность случившегося и объяснить, почему все так произошло. Алексей не оправдывался, он, как всегда, хотел быть искренним со своими поклонниками. Год назад Долотов поставил на своей жизни жирный крест, и совершенно не думал о будущем, но в душе все же теплилась надежда, что когда-нибудь люди услышат его откровения, написанные за колючей проволокой.

Все необходимое для лагеря Алексею передал Николай. Долотов благодарил судьбу за то, что в его жизни был такой человек. С Коляном они родились и выросли в одном дворе, знали друг друга с детства, были связаны той крепкой и верной мужской дружбой, которая не слабеет с годами. Алексей улыбнулся, вспомнив прозвище друга — Принц. Так его звали не из-за того, что он вел себя, как вельможа или замашки у него были царскими, просто фамилия у парня была Принцев. В шутку Николай называл Алексея Лешим, а он друга — Принцессой.

Долотов с содроганием вспоминал этот мучительный год. Нет, он не страдал физически, но душевные муки не покидали его ни на миг. Каждый раз, вспоминая о детях, его сердце сжималось, а к горлу подступал удушающий комоч горечи. Он знал, что они под надежным присмотром, органы опеки разрешили родителям жены забрать их на воспитание. Но все равно ничего не мог с собой поделаться. Он думал о них постоянно и готов был вытерпеть любую физическую боль, но не мог справиться с душевной болью, терзающей его ежечасно, ежеминутно.

Алексей уныло улыбнулся, вспомнив, как называл своих малышей «сладкими конфетками». Как же он скучал по ним, по их неповторимому детскому запаху! Он не представлял, как сможет прожить без них еще долгих пять лет.

Два раза Алексей пытался покончить жизнь самоубийством, и оба раза его спасали сокамерники. Один раз вытащили из петли, а второй — вовремя вызвали врача. Когда Долотов вернулся из тюремной больницы, к нему на свидание приехал Николай.

— Леший, ты чего творишь? Бог дал тебе эту жизнь, он у тебя ее и заберет, не волнуйся, мимо не проскочишь, так что не лезь не в свое дело, — ругался друг.

— Она мне на хрен не нужна, не хочу жить, — уставившись в одну точку на столе, глухо произнес Долотов.

— Ты хочешь оставить своих детей круглыми сиротами? — Принц посмотрел на него из-под насупленных бровей.

Если бы в тот момент кто-то увидел Алексея, он никогда бы не узнал в нем прежнего, уверенного в себе рэпера Rudy. За этот год он превратился в старика: все лицо в морщинах, волосы седые, а тело — кожа да кости.

— Они и так уже сироты, — тяжело вздохнул Долотов.

— С твоими детьми все будет хорошо, — заверил Николай, — ты можешь быть уверен в этом, но старики никогда не смогут им заменить тебя. Бабушка и дедушка — это все-таки бабушка и дедушка, а ты отец. Понимаешь? Леха, прошу тебя, не ругай себя за прошлое. Что случилось, то случилось. Назад ничего не вернешь. Тебе сидеть-то осталось еще пять лет. Понимаю, это не мало, но годы пройдут. Тебе будет сорок два, когда освободишься. Это еще не старость. Выйдешь и будешь жить ради своих детей, ради своего слушателя. Ты сидишь в тюрьме, а люди по-прежнему слушают и любят тебя, даже несмотря на то, что ты натворил.

Услышав последнюю фразу, Алексей закрыл руками побледневшее, искаженное мукой лицо, стон отчаяния вырвался из груди. Сердце Николая колотилось так, словно собиралось выпрыгнуть из грудной клетки. Как же ему хотелось хоть как-то облегчить страдания друга.

— Принц, ты не понимаешь, — Долотов покачал головой в отчаянии, — я и через пять лет не смогу жить с этой болью. Это мне наказание на всю оставшуюся жизнь.

— Леха, время лечит, — тяжело вздохнув, произнес Николай и с мольбой посмотрел на друга: — Прошу тебя, ради своих малышей, ради ее памяти, ради нашей дружбы, возьми себя в руки. Умоляю, живи! Ты нужен и детям, и мне.

Алексей без сожаления покидал стены тюрьмы. Правда уже довольно скоро он поймет, как ему было здесь хорошо по сравнению с пунктом назначения — колонией строго режима в Тульской области. А пока Алексей вздохнул полной грудью свежий ночной воз-

дух, когда его вывели в тюремный двор, где ожидал автозак.

Устроившись на лавке в клетке спецмашины, арестант через узкие щели тщетно пытался рассмотреть уже забытые ночные очертания столицы. С той поры, когда он последний раз свободно передвигался по родному городу, прошел всего год, а, казалось, будто целая вечность. Дорога заняла немного времени, вскорости мужчина почувствовал запах вокзала и услышал шум поездов.

Из темных углов памяти выползли горькие воспоминания, тяжелым грузом давя на грудь. Он вспомнил, как уставал от гастролей, как порой ненавидел бесконечные поезда и самолеты и радовался долгожданному выходному, когда можно было провести время вместе с семьей. Как же он скучал по своей девочке... Если бы только можно было все вернуть, он дорожил бы каждой проведенной вместе минутой, каждым мгновением. Но, увы, история не имеет сослагательного наклонения. Кто бы мог подумать тогда, что в будущем его ждет такое горькое путешествие.

Глава 1

2000-е года.

Алексей проснулся от громких звуков, доносящихся с кухни. С тех пор, как он уволился с последнего места работы, точнее сказать, с тех пор как его выгнали, Тамара Константиновна не находила себе места. Не могла она мириться с тунеядством внука. Не нравилось ей, что тот дрых до обеда. Она считала, что человек должен днем работать, а ночью отдыхать. У Алексея была своя философия на этот счет. Как многие молодые люди, он зачастую засиживался допоздна или возвращался домой под утро, а спать ложился, когда на улице уже начинало светать. Пожилая женщина изо всех сил противилась подобному образу жизни Алексея, так как была убеждена, что лень и праздность ни к чему хорошему не приведут.

Каждое утро, словно нарочно, она начинала греметь посудой, вынуждая его подняться с постели. Долотов какое-то время лежал с закрытыми глазами, прислушиваясь к шуму воды и грохоту в кухне. Молодой человек знал каждый звук наизусть. Вот бабуля гроыхнула крышкой от кастрюли, звякнула ложечка о стакан, вдо-

гонку раздался звон стеклянных банок, пронзительно заверещал свисток чайника. На какое-то время в кухне воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным стуком ножа по разделочной доске. В этот момент парню показалось, будто в их квартиру залетел дятел. Нашулав под подушкой мобильный телефон, он раздраженно фыркнул, глянув на экран. Семь утра, три часа назад он только лег в кровать. И чего бабуле не спится в такую рань? Казалось бы, уже давно на пенсии, на работу ехать не надо, спи да спи себе на здоровье. Так нет же, сама не спит и внуку не дает.

Молодой человек сел, спустив ноги с кровати и уронив голову на грудь, и замер на какое-то время в этой позе. Ранее утро для него было сродни апокалипсису. Во всем теле чувствовалась апатия и абсолютное безволие, во рту было сухо, как в пустыне. От выкуренной накануне марихуаны болела голова. Последнее время по утрам такое состояние стало для него обыденным, и длилось оно до тех пор, пока не выкурит очередной «косяк». Алексей пока не придавал этому серьезного значения. В его окружении траву употребляли все, ну или почти все. Это было таким же обычным явлением, как выкурить сигарету или выпить рюмку-другую виски. И никто еще не стал законченным наркоманом. Ему всегда казалось, он может соскочить в любой момент. Как только захочет, так сразу и бросит, потому что он сильный. В конце концов, кроме марихуаны, в его жизни была еще одна любимая вещь — рэп. Пока он не хотел отказываться от травки, ему нравилось курить. После утреннего «косячка» он испытывал легкий, дурмящий голову кайф, на какое-то время все негативные мысли уходили на задний план и жизнь казалась не такой уж дерьмовой. Алексей обреченно вздохнул и, шаркая босыми ногами, побрел на кухню.